

УДК 316.42

С.Т. Кавецкий

КОНЦЕПЦИЯ АНОМИИ И СОВРЕМЕННЫЕ АНОМАЛИИ

Статья посвящена раскрытию содержания многогранного понятия аномии, введенного в научный оборот Э. Дюркгеймом. В ней рассматриваются как традиционные, так и современные аномалии: девиантное поведение, экономическое и социальное отчуждение, социокультурная травма и др. Анализируются переходные, трансформационные общества на постсоветском, постсоциалистическом пространстве.

Введение

В российских и белорусских публикациях, посвященных различным сторонам творческого наследия Э. Дюркгейма, часто анализируются его исследования о роли коллективных норм и ценностей в качестве регуляторов социального поведения. Вместе с тем редко встречаются работы, посвященные анализу содержания концепции социальной аномии, использованной им при рассмотрении процессов, приводящих к социальной дезинтеграции и дезорганизации.

Понятие аномии Дюркгейм ввел для объяснения распространения различных социальных девиаций в переходных обществах, оказавшихся социально дезорганизованными. Он подчеркивал, что «изучение отклоняющихся форм позволяет нам лучше определить условия существования нормального состояния» [5, с. 328]. Причем само это понятие использовалось им в рамках общетеоретической модели, описывающей эволюцию обществ, изменение способов их социальной организации. Социальную интеграцию Дюркгейм считал показателем здорового состояния общества, в противоположность социальной дезинтеграции и аномии как явления «анормального», характерного для переходных и кризисных периодов. В социальной солидарности Дюркгейм видел основу социальной интеграции, обеспечивающей регуляцию взаимоотношений между индивидами в обществе. Он выделял две ее формы – механическую и органическую.

Две формы солидарности соответствуют, по Дюркгейму, двум противоположным формам социальной организации. Первая из них архаическая, при ней господствуют сходные для всех (как по количеству, так и по интенсивности) коллективные чувства. Вторая форма социальной организации опирается на развитое разделение труда и соответствует сложному современному обществу, напоминающему организм с различными органами. Нормальному состоянию общества соответствует «разделение труда как нормальное явление» [5, с. 328]. Оно характеризуется нормативной регуляцией труда, развитым экономическим планированием.

Но разделение труда может принимать девиантные (патологические) формы, которые необходимо анализировать. Он выделяет три формы аномального разделения труда, оказывающего на общество «разлагающее действие». «С первым случаем этого рода мы сталкиваемся в промышленных или торговых кризисах, банкротствах, являющихся частичными нарушениями органической солидарности» [5, с. 329]. Вторая форма – «антагонизм труда и капитала» [5, с. 329]. Если в средние века, – поясняет Дюркгейм, – работник и хозяин вместе живут и трудятся в одной лавке, составляя часть общей цеховой корпорации, то появление мануфактур, а затем крупной промышленности отделяет рабочего от патрона. Вслед за К. Марксом (но без ссылок на его работы) Э. Дюркгейм показывает, как развитие крупного промышленного производства отрывает рабочего от семьи, противопоставляет его работодателю, разрывая традиционные связи между людьми, приводя к специализации выполняемых людьми социальных функций. Возникающее в ходе этого процесса классовое деление затрудняет формирование общественной солидарности, поскольку такое разделение труда имеет принудительный

характер и не отвечает естественному распределению способностей людей. Третья форма – это «наука, разорванная на множество детальных, но не соединенных между собой исследований, не образует уже единого целого» [5, с. 331]. Вследствие неупорядоченного разделения интеллектуального труда теряется «единство знания». Дюркгейм отдает здесь дань уважения О. Конту, подчеркивавшему синтезирующее значение своей позитивной философии и предлагавшего правительству учредить независимый орган для обеспечения интеграции научной деятельности. Пути к выводу научного сообщества из раздробленного и аномического состояния Дюркгейм усматривал, если воспользоваться современным словосочетанием, в преодолении «идиотизма узкой специализации», порождаемого аномальным разделением научного труда и в восстановлении функционального единства в действиях различных частей сложного социального организма [5, с. 333–335].

В III разделе книги «О разделении общественного труда», который называется «Аномальные формы» в главе III «Аномическое разделение труда» Э. Дюркгейм на конкретных примерах анализирует разделение труда как источник солидарности и его антиподы. Исследуя аномальное развитие, он приходит к выводу, что если «разделение труда во всех этих случаях не производит солидарность, то потому, что отношения органов не регламентируются, потому что они находятся в состоянии аномии» [5, с. 342]. Это, видимо, и есть первое упоминание термина «аномия» у Э. Дюркгейма.

В работе «Метод социологии» Э. Дюркгейм исследует социальный факт через призму нормального и патологического состояния общества. В главе III «Правила, относящиеся к различению нормального и патологического» он пишет, что «мы будем называть нормальными факты, обладающие формами наиболее распространенными; другие же болезненными или патологическими» [5, с. 455]. Сам факт может быть назван патологическим только по отношению к конкретному виду деятельности и социальному типу. «Нужно отказаться от весьма распространенной еще привычки судить об институте, обычае, нравственном правиле так, как будто они были дурны или хороши сами по себе и благодаря самим себе для всех социальных типов без различия» [5, с. 55].

В заключении III главы Э. Дюркгейм отмечает, что «из теории изложенной в этой главе, иногда делали вывод, что, с нашей точки зрения, рост преступности на протяжении XIX в. явление нормальное. Такое истолкование далеко от нашей мысли. Многие факты, приводимые нами в связи с самоубийством, наоборот, заставляют нас думать, что такой рост в целом – явление патологическое» [5, с. 471]. Он видит решение аномальных проблем «не в том, чтобы насильно толкать общество к идеалу, кажущемуся ему соблазнительным; его роль – это роль врача: он предупреждает возникновение болезней хорошей гигиеной, а когда они обнаружены, старается вылечить их [5, с. 471].

Книга «Самоубийство», которую Э. Дюркгейм посвятил проблеме суицида, тесно связана с исследованием разделения труда. Поскольку понятие «аномия» Дюркгейм впервые ввел при рассмотрении факторов, способствующих росту числа самоубийств, мы обратимся к содержанию этой работы. В ней он отмечает, что «в современном обществе человек не обязательно более удовлетворен своим положением, чем в прежних обществах, и попутно привлекает внимание к росту самоубийств как проявлению доказательств, может быть, патологических черт нынешней организации совместной жизни» [6, с. 326]. Дюркгейм определяет самоубийства «как всякий случай смерти, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [6, с. 326]. Рассматриваются факторы и причины внесоциального и социального характера самоубийств. Раскрывая социальные типы самоубийств, исследователь выделяет эгоистическое, альтруистическое и аномическое. Э. Дюркгейм дает определение аномического типа как «беспорядочной, неурегулиро-

ванной человеческой деятельности и сопутствующими ей страданиями» [6, с. 303]. В момент социальной дезорганизации общество временно утрачивает способность осуществлять регуляцию поведения индивидов, в чем находит свое объяснение резкий скачок числа самоубийств.

Аномическое самоубийство, «на которое обречены индивиды в современных обществах вследствие условий своего существования, не регламентируется обычаями: индивиды постоянно соперничают друг с другом; они многого ждут от жизни, их запросы велики, их постоянно подстерегают страдания, рождающиеся из диспропорции между чаяниями и их удовлетворением. Такая атмосфера тревоги способствует развитию «суицидального течения» [6, с. 335]. Обращение к статистике «обнаруживает тенденцию роста частоты самоубийств в периоды экономических кризисов, кроме того в периоды чрезмерного благополучия» [6, с. 334]. Феномен сокращения аномических самоубийств проявляется в период значительных политических событий, во время революций и войн.

Кроме экономической аномии, в период кризисов существует также домашняя аномия, которую Э. Дюркгейм связывает с браками, разводами, смертью близких людей. Частота самоубийств соразмерна числу разводов. «Разведенный мужчина более подвержен опасности самоубийства, чем женщина» [6, с. 335]. Результативность домашней аномии возрастает в результате смерти одного из супругов. Расстройство семейного очага тяжело отзывается на том, кому приходится пережить своего спутника. Он не может приспособиться к своему новому одинокому положению, и соблазн самоубийства легче увлекает его» [6, с. 304].

Таким образом, Э. Дюркгейм, разрабатывая ключевые понятия своей социологической теории, поставил вопрос об аномическом состоянии общества. Концепция аномии разрабатывалась французским ученым на протяжении всей его творческой деятельности через призму системного анализа таких понятий, как социальная солидарность, разделение труда, социальный факт, самоубийство». Эта проблема до конца жизни волновала Дюркгейма не только как ученого, но и как гражданина. «Прежние боги стареют или умирают, а новые не родились» [5, с. 556]. Об этом он писал в работе «Элементарные формы религиозной жизни», которая вышла в 1912 г. в Париже. Тем самым он подчеркивал, что аномия в большей степени характерна для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии общества. Французский социолог выявил основу теории социальной аномии, дальнейшая разработка которой продолжалась в XX и в начале XXI вв. При этом подчеркнем, что задолго до появления в научном обиходе термина «аномия», сам феномен аномальных общественных, индивидуальных и коллективных состояний многие столетия находился в зоне пристального внимания самых разноплановых философских школ и направлений.

Вслед за Дюркгеймом многие ученые стремились разработать методологическую основу изучения нравственных, психологических и иных состояний отдельных индивидов и их сообществ, вынужденных пребывать в социуме с высокой степенью аномии. Из множества исследований проблемы выделяется подход в развитии концепции аномии Р. Мертон. По Мертону, аномия – это результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями. На возникающий социокультурный феномен различные страты социума реагируют по-разному. Р. Мертон различает их по пяти основным группам.

Первая из них – конформистская. Для второй группы характерен инновативный тип поведения. Третья группа – это индивиды, её составляющие, для которых главное не достижение целей, а ритуалы, «замешанные» на бюрократизме и формализме. Четвертая группа – индивиды, изолированные от своего социального окружения (ретризм).

К их числу относится растущее число алкоголиков, наркоманов, самоубийц и т.д. Пятая группа конфликтующих предпочитает бунт, мятеж и т.д.

Еще один аспект аномии заключается в том, что советское общество путем весьма болезненных социальных травм выросло до относительно целостного образования. Академик Е.М. Бабосов, анализируя духовное начало позднего советского общества, отметил, что «социальная жизнь расслоилась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все советские люди – убежденные сторонники социализма, в личной – очень многие, особенно на верхах социальной пирамиды – приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил» [1, с. 20].

Специфика постсоветского общества состоит в том, что оно, пребывая уже достаточно длительное время в условиях глубочайшей трансформации, так же как и другие в подобных ситуациях, не может не испытывать дисфункциональное напряжение. Социум в настоящем своём качестве также ориентирован на общие потребительские стандарты, которые свойственны любому другому обществу, основанному на рыночных механизмах. Это делает возможным, в определённой мере, применение к анализу всего происходящего в постсоветском социуме, в том числе и белорусском, Мертоновой аналитической схемы.

Аномия имела национальную специфику не только у республик и народов СССР, но и в «социалистическом лагере» Восточной Европы. Так, президент Международной социологической ассоциации (2002–2006 гг.) П. Штомпка ведёт речь, в частности, «о концепции социальной травмы», позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований» [13, с. 10]. Она возникла в конкретной ситуации (1990–2001 гг.). В Польше уклад жизни широких слоев населения менялся быстрее и резче, чем в России и тем более в Беларуси. Реформы Бальцеровича аннулировали гарантии государства для госпредприятий (было две административные реформы плюс с 1998 г. еще реформа местного самоуправления и закон о поветах; все это представляло собой явную децентрализацию). Метафора травмы не случайна: польский народ с конца XVIII в. переживал не одну травму.

Анализируя социальные трансформации в Польше (и не только современные), важно учитывать феномен религии. При этом необходимо прислушаться к мнению Е. Шацкого, который, комментируя Э. Дюркгейма, пишет, что «доходчивость и вечность религии в той или иной форме возникает от того, что индивидуум, лишенный моральной поддержки в обществе теряет способность, возможности к нормальной жизни, а общество, неспособное к установлению контроля и опеки, стоит на грани распада. Такое состояние Дюркгейм называл аномией» [14, с. 390].

Материалы, в той или иной мере отражающие феномен социальной аномии, в современной отечественной и российской научной литературе встречаются сравнительно часто. Как правило, авторы, редко используя понятие аномии, с разных позиций и в различной интерпретации, по сути, дают характеристику общественных состояний, имеющих её явные признаки (Е.М. Бабосов, Н.А. Барановский, А.Б. Гофман, Я.И. Гишинский, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, В.Н. Кудрявцев, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, В.Г. Немировский, О.С. Осипова, Н.Е. Покровский, Д.Г. Ротман, Г.Н. Соколова, Л.Г. Титаренко, Ж.Т. Тощенко и др.). Существующие научные концепции, носящие, как прави-

ло, описательный характер, не всегда затрагивают многообразие субстанциональных и гносеологических аспектов этого сложного и многоликого социального явления. В этой связи возникают противоречивые оценки роли и места аномии в обществе, уровня её потенциальной деструктивности, а также ее детерминаций и социальных последствий. Более скупуплезно, через призму социологических исследований, рассматривается девиантное поведение, которое берет свое начало из аномии.

Важным также представляется отметить, что на протяжении последюркгеймовского развития само определение аномии совершенствовалось, однако все его оттенки не нашли своего отражения в этих определениях. При этом в советский период констатировалось, что понятие «аномии используется в исследованиях кризисных явлений в капиталистическом обществе, при анализе переходных общественных состояний» [8, с. 13].

Весьма характерным в этом плане является определение аномии И.И. Кального: «Отношение индивида к нормам и духовным ценностям этого общества, в котором он живет и действует, означает утрату норм и предписаний, отсутствие эталонов поведения, несоответствие между целями и возможностями их осуществления. Все это обуславливает конфликт, ощущение ничтожности, отклоняющегося поведения» [7, с. 83]. Таким образом, при всей значимости феномен аномии определяется в большей степени как морально-психологически термин. В современной отечественной литературе, в частности, в социологическом словаре под редакцией А.А. Грицанова, аномия трактуется как «философско-социологическое понятие, используемое для обозначения состояния общества, при котором отсутствие или неустойчивость регулирующих отношений между индивидами и обществом императивов и правил приводит к тому, что большинство населения оказывается «вне» общества, вступая в конфронтацию с ним» [10, с. 52–53]. Более системно анализирует термин «аномия» Е.М. Бабосов, определяя ее, как «социально-психологическую ситуацию, когда одна или более личностей не могут интегрироваться со стабильными основными институтами общества, что приводит к отрицанию наиболее значимых норм доминирующей культуры и социальным отклонениям, к девиации» [3, с. 456]. В «Социологической энциклопедии» ученый развивает определение аномии как «состояние общества, в котором значительная часть граждан знает нормативные (юридические, моральные, эстетические и др.) стандарты поведения, а также доминирующие в нем убеждения, но не считается с ними и не подчиняется им в своих поступках» [2, с. 20]. Важным является также вывод Е.М. Бабосова о том, что одной из причин распада СССР стала «крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил» [3, с. 21].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что определение аномии должно включать в себя базовую основу (от Э. Дюркгейма), социофилософскую, социопсихологическую и социокультурную составляющие. Аномия (от франц. *anomia* – отсутствие закона, организации) – состояние общественного сознания, обусловленное кризисом или трансформацией общества, противоречие между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать, что приводит к игнорированию социоправовых и социокультурных норм, к девиации и социальным отклонениям.

Еще один феномен трансформационного периода на рубеже XX–XXI вв. выявил член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко. В монографии «Парадоксальный человек» он, основываясь на анализе реальной ситуации в России, показал, что парадоксальное сознание стало частью современной жизни. Суть этого феномена в том, что общественные институты и отдельные личности декларируют одни цели и жизненные ориентиры, а на деле осуществляют иные, иногда прямо противоположные [5, с. 91]. При этом оказывается, что публично провозглашаемые лозунги опровергаются практикой повседневной жизни. «В настоящее время, – пишет Ж.Т. Тощенко, – все чаще приходится встречаться с новым классом парадоксов, когда люди неосознанно, не по злому

умыслу олицетворяют удивительнейший феномен – в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные, а иногда взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения. Человек как бы бежит сам от себя и от общества в одно и то же время и в прямо противоположных направлениях» [12, с. 55]. Этот феномен подтверждается в исследованиях белорусских социологов А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана, Л.Г. Титаренко и др. «Общее состояние морального сознания белорусов, судя по опросам, остается весьма неопределенным. Традиционные моральные представления сдали свои позиции, а стабильные новые моральные нормы и отношения, адекватные современному либерально-демократическому типу общества, не сформировались. Между тем для устойчивого нравственного развития общества требуется достаточная ясность в этих вопросах. Мы полагаем, что господствующие ныне противоречивые ценности не только во многом предопределяют социокультурные типы отношений белорусских граждан к происходящим политическим и экономическим процессам, но и позволяют прогнозировать противоречивые перспективы будущего развития республики» [11, с. 104].

Если рассматривать аномические составляющие в Республике Беларусь, то они в разной степени охватывают все стороны общественной жизни. В экономике после распада СССР разрушились хозяйственные связи, дефолт российского рубля в 1998 г. пагубно повлиял на экономику союзной страны, цены на нефть и газ постепенно движутся к мировым, планетарный финансовый кризис 2008 г. и, наконец, валютный катаклизм в Беларуси 2011 г., снизивший планку средней зарплаты с 500 долларов в январе до 200 в октябре. Все это влияло и влияет на смешанную экономику Беларуси, где преобладающим является государственно-капиталистическая форма собственности.

Заключение

Таким образом, рассматривая аномию в некотором более широком или узком смысле, можно сделать вывод, что к состояниям, схожим с ней, относятся такие общественные аномальные состояния: 1) отчуждение, 2) цивилизационная некомпетентность, 3) синдром недоверия, 4) коллективное чувство вины и стыда, 5) социально-культурная травма, 6) кризис легитимности, 7) теория «парадоксальности человека», 8) теория «кентавризма», 9) теория «имитации» и др. Все они требуют социологического измерения и анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабосов, Е.М. Социология катастроф / Е.М. Бабосов // Социс. – 1998. – № 4 – С. 19–25.
2. Бабосов, Е.М. Аномия / Е.М. Бабосов // Социологическая энциклопедия; под ред. А.Н. Данилова. – Минск : БелЭн, 2003. – С. 20.
3. Бабосов, Е.М. Прикладная социология / Е.М. Бабосов. – Минск : ТетраСистемс, 2000. – 496 с.
4. Данилов, А.Н. Критика и библиография / А.Н. Данилов // Социология. – 2001. – № 4. – С. 91.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. – М. : Наука, 1990.
6. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. – СПб. : Союз, 1998.
7. Кальной, И.И. Отчуждение истоки и современность / И.И. Кальной. – Симферополь : Таврия, 1990. – 192 с.
8. Краткий словарь по социологии. – М. : Политиздат, 1989. – С. 479.

9. Современная западная социология : словарь. – М. : Политиздат, 1990. – с. 432.
10. Социология : энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1312 с.
11. Титаренко, Л.Г. Парадоксальный белорус: противоречия массового сознания / Л.Г. Титаренко // Социология. – 2003. – № 3. – С. 96–107.
12. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко – М. : Гардарики. – 2001. – 398 с.
13. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 3. – С. 3.
14. Szacki, J. Historia myśli socjologicznej / J. Szacki. – Warszawa : PWN, 2011.

Kavetski S.T. Anomy Concept and Contemporary Anomalies

This article explains the idea behind the many-sided concept of anomy that was introduced into scientific use by E. Durkheim. It discusses both conventional and contemporary anomies: deviant behavior, economic and social alienation, social and cultural injury, etc. Also, it analyzes transitional and transformational societies in former Soviet and socialist states.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.09.2013